

А.Н. АЛЕКСЕЕВ

ЧЕЛОВЕК ЕСТЕСТВЕННЫЙ

Я перечитал, с глубоким чувством сопричастности, расшифровку интервью Юрия Александровича Левады, данного им Дмитрию Шалину в начале 1990-х гг. А затем воспользовался любезно предоставленной мне возможностью ознакомиться с современными комментариями к этому тексту своих старших коллег — И.С. Кона и В.Э. Шляпентоха. И понял, что особенно нового здесь не скажу.

В отличие от людей, близко его знавших, для меня Ю.А. был фигурой скорее легендарной, чем из плоти и крови... На двух встречах социологов в Кярику, Эстония (1966 и 1967 гг.), он выступал с докладами о массовой коммуникации. Для начинающего социолога, недавнего журналиста, участие в этих встречах было, понятно, событием. Я даже что-то возражал Леваде, который, как мне показалось, недооценил роль массовой коммуникации в обществе...

Но в чем я был с ним уже тогда безусловно согласен, — это в том, что следует «попытаться из характера коммуникаций сделать определенные выводы о характере общественных отношений» [1, с. 140]. Впоследствии это стало одной из ключевых идей моих собственных «масс-коммуникативных» штудий. Об этом Ю.А. вряд ли знал. Сам же он — к какому бы частному предмету ни обращался, все время выходил на глубинные закономерности социума.

А после — лишь пара мимолетных встреч уже в постперестроечные годы. Физически почти не пересекались наши жизненные пути, а только «виртуально». То есть не гожусь я в мемуаристы.

Но уж коли назвался груздем, полезу в кузов. Скажу, по крайней мере, о том, что для меня особенно дорого и значимо в Ю.А. Леваде-человеке (про науку сейчас не говорю). А это как раз то, что он и сам, как явствует из интервью 1990 г., вполне про себя знал, — его замечательная способность к естественному поведению в противоестественных условиях. *Естественное поведение* — не вообще, а для него таковое. Для Левады были естественны (органичны): и его некатегоричность в научных выводах, и искусство создавать вокруг себя творческую среду («семинарская жизнь»), и ненавязчивое научное лидерство, и вроде «попутные» теоретические прозрения, и роль неординарного партсекретаря (1960-х гг.), и отсутствие «идеологической выправки» (как сказал бы известный проф. Парыгин), и нравственное самостояние (именно самостояние, а не противостояние...).

Алексеев Андрей Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН. **Телефон:** (812) 444-61-17. **Электронный адрес:** alexeev34@yandex.ru

Как мне кажется, Ю.А. — не только в своих крамольных «Лекциях по социологии» 1969 г., но и во всех других своих жизненных проявлениях — не делал вызовов Системе. «Я не хотел и не хочу торчать...» — его слова. Система сама усмотрела в нем для себя угрозу, а также, как отмечает Ю.А., использовала это как подходящий повод для открытия «охоты на ведьм», в частности, в социологии. Он же «всего лишь» не уступил давлению: не начал «идеологически разрушаться», но не стал и диссидентом в общепринятом смысле (что было бы для него... просто неестественно).

«...Меня никто не заставлял делать то, что я не хочу, и я думаю, что я никогда не стал бы это делать, но и делать что-либо нарочитое я не стал бы...» [2, с. 158].

При этом он был настолько самокритичен в отношении своего труда (тех самых «Лекций», которые искренно считал «сырыми»), что сумел благополучно игнорировать идеологический обвинения, не ввязываться во вненаучные споры. Тем самым он, пожалуй, способствовал тому, чтобы не оказаться исключенным из партии (тогда его судьба на ближайшие 10–15 лет сложилась бы куда более драматично).

Ю.А. подчеркивает в беседе с Д. Шалиным различие общественных ситуаций конца 1930-х, конца 1950-х и, скажем, конца 1970-х гг. Страха лишиться жизни и погубить своих близких на рубеже 1960–1970-х гг. уже не было. Открывалась некоторая возможность морального, экзистенциального выбора. И Левада эту возможность использовал в полной мере. Он сохранял невозмутимое *достоинство*.

Это становится очевидным не только из известных фактов биографии и воспоминаний коллег, но и из документов тех лет, опубликованных, в частности, в книге «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» [3]. Обратившись сегодня к протоколам «проработки» Левады с записью и его собственных выступлений на заседаниях партийного бюро Института социологических исследований и на общественно-научных собраниях, придирчивый и пристрастный современный читатель не найдет в них ни одного высказывания Ю.А., которого тот мог бы потом не то что стыдиться — стесняться. Притом, что «всю принципиальную (и только такую! — А.А.), критику, которой подверглась работа, я признаю», — читаем в протоколе 1969 г.

Способность выдержать подобный «наезд» с таким самообладанием и (вроде неуместное слово!) изяществом свидетельствует еще и о высочайшей культуре мысли и речи; это интеллектуальное достижение, а не только нравственная позиция.

Стоит здесь сказать, что пять лет спустя мне довелось оказаться примерно в таком же положении «проштрафившегося» секретаря партбюро (в ленинградском институте), а еще десять лет спустя — и в положении исключенного из партии по идеологическим (политическим) обвинениям. Ох, как мне тогда пригодилась бы эта школа

«необходимой и достаточной обороны» Ю.А. Левады, о которой в то время так мало знал! Думаю, что я тогда и «задирался», и «прогибался» больше, чем он. Правда, у меня, разумеется, не было такого запаса научной прочности.

(Вообще, поколение первых послевоенных выпусков гуманитарных факультетов МГУ мне представляется совершенно уникальным по насыщенности будущей научной элитой, не в расхожем смысле этого слова. Достаточно выстроить, навскидку, далеко не полный ряд знакомых имен выпускников МГУ начала 1950-х: Гачев, Грушин, Пятигорский, Щедровицкий; Гордон, Карпинский, Левада, Мамардашвили, Наумова, Юдин, Янов; Лапин... Философы, историки, филологи; здесь только 1929–1931 годы рождения; многих уж нет...)

Очень существенны — в рефлексии Левады 1990 г. — характеристики людей (он, в общем, избегает имен, но иногда Шалин прямо о конкретных людях спрашивает), как тех, кому его поведение казалось слишком «неосторожным», так и тех, кому оно могло показаться, наоборот, недостаточно решительным. Его суждения, как правило, сдержанны. Он толерантен: не судит, а старается понять. Ни эйфория, ни обвинительный пафос перестроечных лет его не захватили. Он и тут проходит «по лезвию бритвы» — *естественно*, как жил и раньше, и впредь.

Наверно, Владимир Эммануилович прав, говоря об экзистенциальном выборе Левады в начале 1970-х гг.¹ Вот только вряд ли это был выбор между «быть с властью» и «быть в конфликте с ней», как он пишет. Я склонен трактовать это как выбор в пользу третьего варианта — человеческой и профессиональной независимости (кстати, это может быть труднее всего).

Вспоминается сказанное о другом нашем выдающемся современнике: у него были *стилистические* разногласия с советской властью. Я бы сказал так и о Леваде. Только эти разногласия не помешали ему так или иначе выживать, но «уживаться» с властью, чтобы, оставаясь в тени, транслировать и воспроизводить культуру, постигая советское общество и советского человека не «снаружи», а «изнутри».

Впоследствии Ю.А. замечал: «Мне кажется, что в последние годы (речь о первой половине 1990-х. — А.А.) мы с давними и недавними коллегами смогли описать и объяснить некоторые тенденции развития общества и человека, используя не только обильные эмпирические данные опросов, но и тот мыслительный, методологический материал, который был проработан «тогда» [3, с. 94].

...Я обсуждаю здесь лишь те сюжеты, которые так или иначе были затронуты в интервью Ю.А. 1990 г. Что было потом, от ВЦИОМа

¹ Имеется в виду мнение В.Э. Шляпентоха, выраженное им в статье «Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора» [4]. — *Прим. ред.*

до «Левада-Центра» и далее, слишком хорошо известно. При всей его неамбициозности (кстати, как раз амбициозность ныне возводится в ранг одной из первейших добродетелей!..) Юрий Александрович является собой пример очень крупного *масштаба личности*.

Это уже не просто человеческие или профессиональные качества. Это мера влияния на окружающих, включая опосредованное, при отсутствии личных контактов. Это глубина следа в жизни, обществе, культуре. Это — память о человеке «на все времена».

* * *

P.S. В сборнике материалов первой из кярикуских встреч содержатся страницы из дневника проф. Полупортянцева (героя фольклора, зародившегося в стенах Института философии АН СССР, периода 1960-х гг.). Автор эпохального труда «Гегели мы» в своем отчете, в частности, о посещении финской бани, описывает «военный порядок следования в баню»

Перечисляются обязанности таких участников этого действия, как Фирсов (командир), сам Полупортянцев (нач. отдела кадров), Столович (замкомандира по эстетической части и моральной чистоте), Ядов (замкомандира по процедуре, методологии и телесной чистоте), Блюм (замкомандира по общесоциологической части, организации и преодолению отчуждения), Ольшанский (замкомандира по семиотике и неформальным межличностным отношениям в бане смешанного типа), Вооглайд (помкомандира по методам исследования массовых коммуникаций и расквартированию), Немцова и Верховская (медсестры) [1, с. 210–211].

Упоминается и еще один персонаж: Левада — рядовой. Уж не сам ли Ю.А., работавший тогда в Институте философии, это сочинял?

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кярику–1966 / Гл. ред. Ю. Вооглайд. Тарту: Тартуский гос. университет, 1967.
2. *Левада Ю.* «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 155–174.
3. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
4. *Шляпентох В.* Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // Специальный проект: «Журнальный зал» в «Русском Журнале» [online]. Дата обращения: 22.05.2008. URL: <<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/sh13.html>>.